

Раненое сердце

Юлиана Кръсто

Юлиана чисто случайно узнала о том, что вчера начальник пришел в ресторан, чуть его не разнес, притом два раза, а потом уехал. Причин такого странного поведения никто не понимал, но в интернете на страничке ресторана на сайте Zagat появились позорные фотографии устроенного дебоша мужчины, его падения и прочих "прелестей", произошедших в зале. Юлиана сильно уважала начальника, относилась к нему очень тепло, особенно после того, что он для нее сделал, и утром, проводив мужа на работу, дождалась свекровь, которая обещала посидеть с Арчи, и, набравшись храбрости, позвонила сенору Фернандезу. К телефону долго никто не подходил, а потом послышался уставший голос сеньоры Денев. Юлиана поинтересовалась, как себя чувствует сеньор Фернандез и спросила, не нужна ли ей какая-нибудь помощь. Потому что она помнила, что именно сделал для нее начальник, и понимала, что того дня, когда она сторожила его покой в комнате отдыха несколько месяцев назад, недостаточно, чтобы искупить свою вину за гибель официанта и проблемы.

Сеньора Денев после недолгого молчания согласилась с предложением девушки, и Юлиана, записав адрес, попрощалась со свекровью и сыном и покинула квартиру.

На место она приехала через час. Купила небольшой торт - она не привыкла в гости идти без гостинцев - и осторожно нажала на кнопку звонка.

Моррис Фернандез

Моррис не помнил, как оказался дома. Жюли и Сэтоши уложили его на диван в комнате, и женщина, покормив Юку и заверив, что с папой ничего страшного не случилось, ушла к нему. Его еще несколько раз тошнило, и в какой-то момент Жюли разбудила его и помогла ему переодеться. Снова уложила в кровать. Всю ночь женщина сидела с ним, надеясь как-то помочь ему. Моррис несколько раз просыпался с огромной надеждой, что это был сон. Жуткий страшный, кошмарный сон. Сон, который когда-нибудь пройдет. Но все его попытки были тщетны, и он это понимал, отчего становилось еще более паршиво на душе, чем было раньше. С каждым прожитым часом на сердце становилось все больше шрамов - шрамов, которые никогда не пройдут. Шрамы украшают, но не эти. Как жить с осознанием, что единственного твоего ребенка больше нет? Как смириться с этим? Возможно ли это?

Боль. Она пронзает все тело, от нее никак не избавиться. Она становится частью бытия, сознания. Она перестает быть ненавистной. Она все оставшееся время, что отведено, будет с ним. Навсегда. Она не исчезнет. Может быть, притупится, но не исчезнет. В какие-то моменты она будет напоминать о себе.

Простонав что-то, Моррис открыл глаза. Через несколько минут в комнату вошла Жюли, и мужчина осторожно сел на кровати и виновато посмотрел на женщину. Голова сильно болела с похмелья, воспоминания об учиненных беспорядках причиняли боль, но все это было несравнимо с разрывающей его душу болью от

осознания, что дочери больше нет.

- Как мне жить, Жюли? Почему она? Почему я, а не кто-то другой, должен похоронить собственного ребенка? Может быть, тогда Артём был прав, и выбирая чашу с известностью, мы жертвуем близкими? Ответь мне, что мне делать?

- Я не знаю, Моррис. Не знаю. Я не понимаю, что ты чувствуешь. Я не могу тебя вылечить, Моррис. Но пожалуйста, не отказывайся от помощи.

- Мне не нужна ничья жалость! Мне нужен только мой ребенок. Моя малышка. Почему, Жюли, за что он забрал ее? Я что-то не так сделал?

Моррис встал на ноги и подошел к своей женщине. Положил руки на ее плечи и стал неистово трясти, ожидая, что она ответит ему. Но она просто стояла и молчала. Убрав руки с ее плеч, Моррис опустил голову, а потом опустился на колени и заплакал. Жюли опустилась рядом с ним и обняла его, прижав его голову к своей груди. Когда он успокоился, женщина помогла ему вернуться на кровать и накинула на его плечи плед. Сказала, что сейчас придет Юлиана, и Моррис кивнул. Когда раздался звонок в дверь и Жюли ушла, Моррис тяжело вздохнул и закрыл глаза.

Юлиана Кръсто

Девушка выслушала женщину и пообещала позаботиться о сеньоре Фернандезе, пока та будет на работе. Моррис ничего не ел со вчерашнего утра, и девушка пожалела, что не взяла никакой еды. Спросив разрешения готовить на хозяйской кухне, Юлиана решила сделать что-то быстрое и не слишком тяжелое. Выбор она остановила на яичнице. Попрощавшись с сеньорой Денев и заверив, что со всем справится, Юлиана задумалась. Она не была уверена, что поступает правильно, но сейчас этому человеку нужна была помощь и поддержка. Вероятно, нужна была еще и жалость. И Юлиана должна была оказать поддержку мужчине. Потому что он в те давние времена заботился о ней.

Мадам Денев ничего не рассказала ей о причинах такого странного состояния мужчины. Он никуда не уезжал, не ссорился ни со своей женой, ни с Юкой, и на работе не было серьезных проблем. Она периодически общалась в чате с ребятами, и никто ничего не говорил. А вчера днем сеньор Фернандез будто с цепи сорвался. Притом, как кто-то из ребят написал, сеньор Фернандез пришел в ресторан трезвым, но каким-то потерянным. Как будто на его плечи навалился очень большой груз.

Юлиана разогрела сковородку и растопила кусок сливочного масла. Разбила яйца, посолила и накрыла крышкой. Нарезав хлеб, она выключила плиту и оставила "доходить". Послышались шаги. Шаркающие шаги человека, который устал от жизни.

Моррис Фернандез

Хотелось пить. Хотелось делать хоть что-то, но только не сидеть в этой тишине. Хотелось снова сорваться на ком-то, разнести этот чертов ресторан, уничтожить кого-то. Где-то в глубине души он понимал, что ведет себя неправильно, что ребята не виноваты в его личной трагедии, но такое поведение скорее всего было вызвано

защитным механизмом. Если он будет ругаться, а ругается он только по делу, то никому не придет в голову спрашивать, что случилось. Так оно, собственно, и происходило. На кухне был бардак, и он сделал поварам и им сочувствующим предупреждение. Дальше он мало что помнил, но в сознание его вернули теплые руки и заботливые прикосновения Жюли.

Мужчина встал с кровати и вышел из комнаты. На кухне хозяйничала Юлиана, и мужчина болезненно поморщился. Девушка жарила яичницу, и мужчина подошел к шкафчику и взял бутылку. Сделал несколько глотков из горла и громко поставил бутылку на стол.

- Это не яичница, а какое-то лупоглазое чудовище, - проворчал Моррис. - Вы обязаны знать, как готовить яичницу, но вы не справились даже с этим! Желтки должны быть жидкими, а не вот этот ужас.

Моррис схватился за ручку сковородки и обжегся. Выронив предмет кухонной утвари, мужчина посмотрел на покрасневшую ладонь. Значит, это не сон. Отвратительная и даже страшная реальность. Реальность, в которой больше никогда не будет его малышки. Как жить?

- Жюли сказала, что ты можешь помочь. Но что ты можешь сделать? Вернуть мне дочь? - Проворчал Моррис, а потом тяжело опустился на стул и закрыл глаза. - Она была всем для меня. Она была моим светом, стимулом. А теперь ее нет. Зачем он забрал ее? Чем ты мне можешь помочь? Лучше засунь свою жалость себе в задницу и оставь меня. Ты не понимаешь... - Из груди вырвался всхлип.

Юлиана Кръсто

Когда начальник, на которого было очень больно смотреть, стал ругаться из-за яичницы, Юлиана вздрогнула. Так обычно ругался Джан после очередной попойки с друзьями. Почему она сейчас о нем вспомнила? Юлиана смотрела на начальника, который объяснил свое поведение в ресторане. Это страшно, и она помнила, что ее собственные родители тоже чудили в первое время после смерти Христо.

Сеньор Фернандез сел на стул, из его груди вырвался всхлип, который заставил сердце сжаться. Юлиана видела однажды слезы сеньора Фернандеза, но тогда это была скорее усталость и переживания за Юку. А сейчас появилось что-то другое. Настолько страшное и неправильное, что девушка совершенно не знала, что нужно делать. Но одного оставлять сейчас его нельзя.

- Я понимаю. Нет, не так. Я не понимаю, что сейчас происходит с вами, но я понимаю, что потом может быть с Юкой. Мне было десять, когда брат погиб. Мне было десять, когда я перестала существовать для своих родителей. Я им не была нужна. Они меня называли шлюхой. Они не интересовались моей жизнью, я для них была как отрезанный ломоть. - Юлиана опустилась напротив мужчины на корточки и осторожно взяла его мокрую от слез ладонь. - Сеньор Фернандез, я не смогу понять вашу боль, но не отказывайтесь от помощи Юки или сеньоры Денев. Они смогут хоть как-то залечить ваши раны. Прошу вас, не оставайтесь с этой болью наедине.

Девушка замолчала и, повинувшись какому-то неожиданному импульсу, пальцем

стерла слезу с его щеки.

Моррис Фернандез

Слова не долетали до его сознания. Зачем ему знать, что было с этой наглой выскочкой? Он сейчас понимал только, пожалуй, ее родителей. Они потеряли сына. Они не смогли смириться с этим. Да и можно ли вообще смириться с чем-то подобным? Почему это не сон, не жуткий и страшный сон? Почему это реальность, жуткая, неизвестная и страшная?

- Я не могу. Понимаешь, не могу принять, что ее больше нет! - он вырвал свою руку из руки Юлианы и громко ударил кулаком по столу. - Да что ты ко мне прицепилась?! У тебя нет других дел?! - Заорал он и встал со стула. Взял бутылку и снова стал пить виски. Сделав несколько глотков, он захлебнулся и стал кашлять, разбрызгивая алкоголь. - Как мне жить с этим?! У тебя нет ответа на этот вопрос?! Так какого хрена, мать твою, я тебя спрашиваю, какого хрена ты лезешь со своими советами? Мамочка тебя не любила. Да за что тебя было любить?! Юка захочет уйти?! Да пожалуйста, пусть проваливает! Никто мне не нужен. Только Яреци. Почему она ушла?!

Моррис ругался очень громко. Несколько раз он ударил кулаком по столу, один раз прошелся кулаком по стеклянной дверце шкафчика. Стекло разлетелось в разные стороны, а с ребра ладони закапала кровь. После этого мужчина вздрогнул и, тяжело облокотившись локтем о столешницу, заплакал.

Юлиана Кръсто

Юлиана не имела представления, что нужно делать в такой ситуации. Но в какой-то момент вместо сеньора Фернандеза появились ее родители. Отец переживал это молча, притрагиваясь к бутылке, а мать первые несколько дней ненавидела ее, да и вообще всех. Она устроила истерику в полицейском участке, и маленькой Юлиане было стыдно смотреть на свою маму. А вечером она пришла к маме, но вместо поддержки получила ведро помоев. И с тех пор Юлиана росла с осознанием своей вины в смерти брата.

Девушка смотрела, как мужчина захлебывается в своем горе, и сердце сжималось от жалости. Слегка вздрогнув, когда мужчина разбил стеклянный шкафчик, Юлиана поморщилась и подошла к нему. Осторожно обняла его за плечи и повела в комнату. За неимением аптечки, девушка смочила чистое полотенце холодной водой и приложила к ране. Перевязала другим полотенцем и уложила мужчину на кровать. Укрыла одеялом. Опустилась на колени около кровати и сложила руки в замок.

- Пресвятая Богородица, окажи помощь. Я прошу не для себя - я не достойна твоей помощи - но для сеньора Фернандеза. Прошу тебя, Царица моя Преподобная. Видишь ты его беду, его скорбь. Помоги, прошу тебя, направь его на путь истинный. Исцели его. Прошу, не оставляй его. Ибо не имеет он иной помощи кроме Тебя, ни иной Защитницы, ни благой Утешительницы - только Тебя, о Богоматерь: да сохранишь его и защитишь во веки веков. Аминь.

Импровизированная молитва девушки была очень горячая, и Юлиана

почувствовала, что по щеке потекла слеза. Закончив свою молитву, девушка посмотрела на мужчину, который заснул, и осторожно стерла пот с его лба. Поправив одеяло, она вышла из комнаты, закрыв дверь. Стала убираться на кухне.

Дождавшись мадам Денев, девушка рассказала, что случилось с сеньором Фернандезом и покинула квартиру. Но следующим утром женщина Морриса снова попросила ее навестить мужчину и предложила погулять немного с Арчи. Юлиана согласилась. Во-первых, это было хоть какое-то разнообразие, а во-вторых, сеньору Фернандезу была нужна поддержка и участие. Она не могла пройти мимо.

Отправив сына гулять с женщиной, Юлиана тихо вошла в комнату, где спал начальник. На лбу был пот, и девушка осторожно положила ладонь на его лоб.

Моррис Фернандез

В какой-то момент стало слишком спокойно. Как будто что-то теплое и спокойное укрыло его своим пушистым одеялом, оградило от боли и внешнего мира. Вымотанный страшным осознанием, алкоголем и голодом мужчина заснул крепким сном, проснувшись только от того, что его тошнит. Рядом с ним сидела Жюли, она помогла ему переодеться и снова уложила спать. Из-за всех переживаний у него поднялась температура, но снова что-то обволокло его сознание, и он спокойно проспал до утра.

Нежные и осторожные прикосновения вторглись в его сознание, и он медленно открыл глаза. Увидев перед собой Юлиану, он сконфузился и покраснел, вспомнив, что она была свидетелем его позора. Но сел на кровати, перехватил руку девушки и нежно поцеловал ее ладонь.

- Мне, наверное, стоит тебя благодарить? Я... не знаю, что на меня нашло, но я помню, что кричал на тебя. Прости меня за это, я не ведал, что творю. Моя боль... она останется со мной навсегда, я знаю, что должен принять это, но не могу. Я понимаю, что ее больше нет, что я больше никогда не услышу ее голос, но не могу принять это. Ночью мне пришло осознание, что она бы не хотела, чтобы я страдал и убивался по ней. В нашем последнем разговоре она сказала, что очень сильно скучает по маме. Что ж, она увиделась с мамой. Но что мне делать? Как мне не сойти с ума от этой боли? Я похоронил родителей, похоронил жену. Некоторых друзей. Но это ничто по сравнению с ее смертью. Как мне жить?

Голос надломился, и мужчина снова заплакал, закрыв лицо ладонью.

Юлиана Кръсто

Ее прикосновения разбудили мужчину, но в этот раз он не стал на нее кидаться. Юлиана села рядом с ним на кровать и обняла, как это делала много лет назад, обнимая страдающего папу. Он и мама по-разному переживали смерть Христо, и девочка больше жалела папу. Потом она как-то жалела Джана. Юлиана прикусила губу и вздохнула. Почему призрак Джана посещает ее сейчас, когда в ее жизни все наладилось? Почему он иногда снится ночами? Почему Христо перестал сниться ей? Ей всегда не хватало его улыбки, тепла и надёжности. От Джана этого не было. А вот Хиро... Хиро дал ей тепло, надежность и улыбку.

Она была счастлива. И она очень сильно хотела, чтобы человек, который очень многое для нее сделал, хоть немного успокоился.

Моррис снова заплакал, и девушка крепче его обняла, и прижала его голову к своей груди.

Моррис Фернандес

Юлиана молчала, и это было очень хорошо. Ему сейчас нужно было молчаливое участие, а не разговоры. Он не хотел оставаться один со своей болью, и участие девушки вынуждало его говорить. Он стал тихо рассказывать о своей дочери, все еще не принимая, что больше никогда не сможет ее увидеть. Ему было больно и страшно. Он боялся, что не сможет вернуться к полноценной жизни.

- Когда она родилась, я был на седьмом небе от счастья. Я делал все возможное, чтобы ни Яри, ни Лауритта никогда ни в чем не нуждались. Я помню первый перелет, ей было всего два месяца. Мы летели в Мексику, чтобы зарегистрировать ее. Она хорошо перенесла перелет и даже не плакала. Лауритта очень боялась, что что-то пойдет не так, но все обошлось. Я помню ее первые неуверенные шаги, ее упрямство, когда у нее что-то не получалось, но она не сдавалась. Я помню ее первую двойку в дневнике, помню, что нас вызвали в школу из-за чего-то. Я помню, как она однажды принесла домой потерявшегося котенка и плакала, когда мы отдали его хозяевам. Помню, как будто это было вчера, как она влюбилась в мальчика и даже нарисовала его портрет. Потом она ревела в комнате, когда тот сказал, что не любит ее. Я не хочу это забывать. Но мы забываем. Я забыл многое. Я не попросил у нее прощения за многое, что сделал. Помню, как она сбежала из дома, когда я ее наказал. Она влюбилась в Тору, а я не верил, что это превратится в большую любовь. Странная ирония - она сбежала на край света, чтобы спасти Тору в горах, но сейчас сама там погибла. Я не знаю всего, что с ней произошло, но... надеюсь, что ей не было больно...

В некоторые моменты Моррис улыбался, что-то другое вспоминал с грустью, иногда говорил дрожащим голосом. По лицу продолжали течь слезы, и он уже не стеснялся этой девушки. Немного успокоившись, он стер слезы с лица.

- Спасибо тебе, де... дочка, что выслушала меня. Мне очень стыдно за свое поведение, и я постараюсь принять это. Рана на сердце никогда не затянется, но она может стать менее болезненной. Я должен постараться жить дальше. Хотя бы ради живых. Ради Юки и Жюли.

Юлиана Кръсто

Юлиана молча слушала мужчину и не мешала ему прижиматься к себе как к спасительному островку. Иногда она гладила мужчину по голове, когда он снова начинал грустить, или держала за руку. Она не перебивала его и не пропускала ничего мимо ушей.

Когда сеньор Фернандес назвал ее дочкой, она вздрогнула и закусила губу.

- Если вам нужно будет плечо, я подставляю его. Если вам надо будет на ком-нибудь выплеснуть свою боль, я подставляю себя. Как сказано в Библии - ударили по правой

щеке - подставь левую. Но прошу я вас только об одном - не оставайтесь наедине со своей болью. В этом нет ничего хорошего. И этим вы не сможете отпустить ее. Каждый родитель хочет, чтобы его ребенок был самым счастливым, но если сам родитель будет страдать и не отпускать, то, как по мне, ничего хорошего в этом нет.

Юлиана замолчала и посмотрела на руку сеньора Феррандеса. Бинт был мокрый от слез, и немного проступала кровь.

- Сеньор Фернандес, вам надо поменять повязку и что-нибудь поесть. К сожалению, я не смогу больше оставаться в вашем доме, но у вас есть Юка и мадам Денев. Они помогут вам.

Юлиана отстранилась от мужчины и встала с кровати. Поклонилась и вышла из комнаты.

Моррис Фернандес

Когда Юлиана отстранилась от мужчины, он почувствовал какую-то тоску и грусть. Одиночество. Но он понимал, что вообще-то она не должна была оставаться с ним, слушать его слезы и видеть это его состояние. Ему было приятно, что кто-то обращал на него внимания и подставил плечо, когда это было необходимо. Возможно, он был где-то неправ, но сейчас было невыносимо думать о чем-то другом кроме дочки. В одно мгновение его мир рухнул, развалился на миллионы миллиардов осколков, оставив после себя руины, которые никогда не восстановить. Все остальное сейчас - ресторан, новая семья, - не имело никакой ценности. Ему сейчас ничего не было нужно. Только побыть со своей болью, но в то же время не сойти с ума от одиночества.

Звук закрывшейся входной двери вывел его из глупых мыслей, и стало тихо. Это одиночество его угнетало и пугало. Мужчина закрыл руками уши и зажмурился. Застонал, только чтобы не слышать эту вакуумную тишину.

- Моррис, дорогой, тебе надо сделать перевязку, - послышался голос Жюли. Мужчина посмотрел на нее и обнял, жадно зарываясь носом в ее ямочку на ее шее.

- Ты же меня не бросишь, любимая? Пожалуйста, не бросай меня. Я не справлюсь один.

- Я не брошу тебя, мой родной. - Жюли погладила Морриса по голове. Мужчина поднял голову и поцеловал ее в губы. - Но сначала тебе надо сделать перевязку и немного поесть.

Мужчина снова поцеловал свою женщину в губы и кивнул. Жюли помогла ему встать с кровати и повела в гостиную. Справившись с перевязкой и покормив мужчину легким куриным бульоном, она отправила его спать.
